КІЕВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

16-го сентября № 18. 1870 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

КІЕВО-ВЫДУБИЦКІЙ МИХАЙЛОВСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Почти въ двухъ верстахъ отъ кіево-печерской лавры, внизъ по теченію Днѣпра, между двумя горными возвышенностями, покрытыми лѣсомъ, въ ущельи, стоитъ уединенно одинъ изъ древнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ монастырей кіевскихъ-Выдубицкій Свято-Михайловскій. Начало этого монастыря относится ко временамъ введенія христіанства въ Кіевѣ. Древнее преданіе, записанное въ позднѣйшихъ историческихъ сказаніяхъ, сближаетъ начало Выдуб. монастыря съ священными именами святаго Владиміра, истребителя кіевскихъ языческихъ кумировъ и сотрудника его святаго Михаила, перваго митрополита кіевскаго. Крестивши своихъ сыновей и кіевлянъ, говоритъ преданіе, святой Владиміръ приказалъ особенно чтимаго язычниками идола Перуна, стоявшаго на холмѣ, «привязать къ конскому хвосту и волочь въ Днѣпръ, приставивши 12 человѣкъ палочниковъ, да біютъ его палицами не яко чувственное дерево, но да поругаются бѣсу, поне чрезъ него народъ человѣческій прельщаше». Идола влекли по Боричеву взвозу между Трехсвятительскою церковью и оградой Михайловскаго монастыря, по скату горы, которая отъ того долго называлась чертовымъ Беремищемъ, и бросили въ Днѣпръ. Идолъ плылъ

по рѣкѣ, а суевѣрный народъ провожалъ его по берегу съ горькимъ плачемъ и крикомъ; «выдыбай нашъ государю боже, выдыбай!» Идола прибило къ извѣстному урочищу, которое съ того времени стали называть Быдыбичами, или Выдубичами, «отъ выдыбала-идола». Тутъ, говорится далѣе въ Сvнопсисѣ, язычники вздумали было учинить поклонъ своему божеству, а вѣрующіе, желая воспретить торжеству идолопоконниковъ, по приказанію князя, схватили идола, привязали къ нему камень и затопили въ Днѣпръ. Преданіе говоритъ далѣе, что еще при святомъ Владимірѣ въ урочищѣ Выдубичахъ была построена церковь въ память чудесъ св. архистратига Михаила, погрузившаго въ Хіолѣхъ невѣрныя люди въ рѣкѣ. Очень можетъ быть, что и при св. Владимірѣ построена была на Выдубичахъ церковь въ память, подобнаго чуда въ Хіолѣхъ, чтобы отвлечь идолопоклонниковъ кіевскихъ отъ суевѣрнаго почитанія мѣста, гдѣ присталъ было ихъ кумиръ. Несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, извѣстно, что до 1070 года на Выдубичахъ не только была уже церковь, но былъ и монастырь [1]). Первая выдубицкая церковь, поподобно многимъ другимъ первымъ церквямъ кіевскимъ, была по всей вѣроятности деревянная; каменная же церковь, на мѣстѣ прежней деревянной, заложена, по словамъ преподобнаго Нестора Лѣтописца, великимъ княземъ Всеволодомъ Ярославичемъ, внукомъ св. Владиміра, въ 1070 году, когда этотъ князь былъ еще на столѣ въ Переясловлѣ. На 18 году отъ заложенія церковь была окончена съ предѣломъ во имя св Благовѣщенія и освя-

---

[1]) Подъ 1072 годомъ, у Нестора Лѣтописца, въ сказаніи о перенесеніи мощей св. Бориса и Глѣба упоминается о Софроніи, игуменѣ св. Михаила между игуменами—печерскимъ Ѳеодосіемъ и св. Спаса—Германомъ

щена въ честь архистратига Михаила митрополитомъ всея Русіи Іоанномъ II съ епископомъ Бѣлгородскимъ Лукою и Исаіею, епископомъ Черниговскимъ, «а игуменство тогда держащу того монастыря Лазарю,» замѣчено у преподобнаго Нестора.

Какова была судьба Выдубицкаго монастыря въ дальнѣйшее время до монгольскаго ига и послѣ того,—по недостатку историческихъ памятниковъ, трудно сказать что нибудь положительное. Очень вѣроятно, что онъ въ до-монгольское время раздѣлялъ участь всѣхъ кіевскихъ монастырей: половцы, неоднократно нападавшіе на Кіевъ, вѣроятно неоднократно опустошали и Выдубицкую обитель, не смотря на то, что она была скрыта въ дремучемъ лѣсу и въ горномъ ущельи. Въ 1096 году, 20 іюня, былъ совершенно сожженъ половецкимъ княземъ—Бонякомъ, красный дворъ Всеволожъ, а монастырь, между тѣмъ стоялъ крѣпко. Въ немъ, по временамъ, въ званіи игуменовъ были такія лица, которыя за свои достоинства прямо возводимы были на епископскія каѳедры, между ними можно указать на двухъ игуменовъ—Сильвестра, извѣстнаго продолжателя Несторовой Лѣтописи и Адріана: первый изъ нихъ, около 1119 года, былъ возведенъ въ санъ епископа переясловскаго, а второй, около 1190 года,—въ санъ епископа Бѣлгородскаго. Выдубицкій монастырь, не отличавшійся никакими особенными святынями, привлекалъ однакоже издавна вниманіе благочестивыхъ поклонниковъ—князей и народа. Еще подъ 1097 годомъ преподобный Несторъ Лѣтописецъ упомянулъ, что, во четверти ноембрія, сюда, «ко святому архистратигу Михаилу приходилъ поклониться князь Василько и ужина тамо». Послѣ Всеволода, изъ князей благотворителей Выдубицкой обители особенно извѣстенъ великій князь Рюрикъ во святомъ крещеніи Василій Ростиславичъ. Къ

концу XII вѣка Всеволожа церковь потерпѣла было частью отъ непріятельскихъ набѣговъ, а частью отъ своего непрочнаго положенія: крутая гора, на возвышенности которой она стояла, болѣе и болѣе подмываемая волнами Днѣпра, стала мало по малу обваливаться, отчего восточная сторона церкви тоже обрушивалась. Желая сохранить священный памятникъ своихъ предковъ и усердствуя къ обители, Рюрикъ Ростиславичъ рѣшился какъ нибудь поддержать ее; для этого онъ выписалъ изъ Новгорода [1]) знаменитаго строителя того времени Петра Минонѣга, и посовѣтовавшись съ нимъ, рѣшился укрѣпить восточный склонъ горы отъ церкви каменною стѣною. Постройка шла быстро: начавшись 10 іюля 1199 г, она была окончена къ 24 сентября того же года,—и между тѣмъ была такъ прочна и искусна, что считалась чудомъ того времени [2]). Великій князь кромѣ того, украсилъ главную церковь стѣннымъ писаньемъ и надѣлилъ ее кое какими утварями. Безъ сомнѣнія, кромѣ этихъ князей благотворителей Выдубицкой обители, были и другіе; такъ, между прочими своими фундаторами и ктиторами разсматриваемаго нами времени, она молитвенно воспоминаетъ: княгиню Анастасію, жену Всеволода Ярославича, князя Владиміра Мономаха сына ея, — князя Мстислава сына Владиміра Мономаха,—князя Ростислава, сына Мстислава Владиміровича, княгиню Анну, жену князя Рюрика,—князей Ростислава и Владиміра, сыновей Рюрика и дочерей княжнъ Предиславу и Всеславу. Такимъ образомъ Выдубицкій монастырь болѣе или менѣе благоденствовалъ подъ покровительствомъ князей до 40 годовъ XIII вѣка. Около этого времени гроза монгольская, находившая на Кі-

---

[1]) Тутъ онъ строилъ церковь во имя Вознесенія Господня.

[2]) Эта стѣна впрочемъ не уцѣлѣла до нашего времени.

евъ, коснулась и выдубицкой обители; впрочемъ и теперь церковь монастырская спаслась отъ разрушенія,—вѣроятно, благодаря своей беззащитности и уединенному положенію. Въ ней и послѣ того почти непрерывно продолжалось богослуженіе, — къ ней по прежнему приходили на богомолье русскіе князья, бояре и народъ; покрайней мѣрѣ извѣстно, что въ 1250 году сюда приходилъ молиться князь Даніилъ Романовичъ Галицкій предъ своимъ путешествіемъ въ орду для поклона татарскому хану. Кромѣ этого случая, наши лѣтописи не упоминаютъ больше ни объ одномъ замѣчательномъ событіи изъ исторіи Выдубицкаго монастыря древнѣйшаго времени, — такъ что XIII, XIV и XV вѣка остаются совершенно темными въ его исторіи Изъ этого времени неизвѣстно ни одного ктитора и ни одного игумена Выдубицкой обители. Въ позднѣйшихъ бумагахъ ея объ этомъ времени вообще замѣчается, что тогда и Выдубицкій монастырь, подобно другимъ монастырямъ кіевскимъ, подверженъ былъ татарскимъ разореніямъ, во время которыхъ погибли всѣ его древнія письменныя записи.

XVI вѣкъ нѣсколько яснѣе въ исторіи Выдубицкаго монастыря; изъ этого времени сохранились многіе грамоты и другіе документы, касающіеся впрочемъ только экономической стороны монастыря и его владѣній. Теперь, какъ видно изъ сказанныхъ документовъ, монастырь заботился въ особенности объ оффиціальномъ закрѣпленіи своихъ правъ, какъ на прежнія, такъ и на вновь пріобрѣтенныя имъ владѣнія, и объ опредѣленіи границъ этихъ владѣній, [1]) по поводу многочисленныхъ сборовъ съ сосѣдними владѣльцами Въ числѣ крупныхъ владѣній Выдубицкаго монастыря

[1]) О всѣмъ этомъ можно подробно читать въ монастырскихъ документахъ.

теперь были: грунта звѣринскіе, лыбедскіе и неводничьи съ перевозами,—багриновскіе, осокорскіе, гнилецкіе, подтрипольскіе, свиноѣдскіе, рожновскіе (въ Острѣ) и мозырскіе, съ бобровыми гонами, съ многочисленными озерами, рыбными ловлями, сѣножатями, полями и лѣсами. Видно, что Выдубицкій монастырь теперь былъ очень богатъ въ матеріальномъ отношеніи.

Кромѣ обязательныхъ даней, которыя шли на Выдубицкій монастырь за арендованныя имъ его собственныя владѣнія; теперь онъ получалъ еще дани добровольныя, по обѣщанію жителей тѣхъ или другихъ поселянъ, жившихъ на грунтахъ сторонныхъ владѣльцевъ. Эти дани рѣдко были денежныя, а большею частью были медовыя, «для свѣчь на отправованье хвалы Божое.» Болѣе зажиточные и вліятельные въ своихъ селахъ господари, посѣщая кіевскіе монастыри въ качествѣ богомольцевъ, по чувству благочестія, нерѣдко давали тутъ обѣты за себя и за своихъ потомковъ ежегодно служить монастырю чѣмъ нибудь изъ своихъ достатковъ, особенно пасѣкъ, составлявшихъ тогда не послѣдній предметъ занятій поселянъ; вѣроятно, по имени жертвователей эти дани назывались, то андреевщинами, то харковыцинами и пр. Въ XVI вѣкѣ давали ежегодную медовую дань Выдубицкому монастырю печерскіе люди села Сваромля (2 ведерца), Орянова (8 ведерецъ), Пироговичъ (1 ведро), Ростичъ, Тетерева, Вороновичъ и др.—также люди пана Харлинскаго села Прибоцовъ (три кади),—люди пана Коташевича села Пироговичъ,—люди пана Немировича села Прибортей и др.

При строгости благочестивыхъ патріархальныхъ нравовъ того времени, неисполненіе воли предковъ, особенно ихъ оферъ на церковь Божію, тогда считалось дѣломъ самымъ богопротивнымъ. Когда Выдубицкій монастырь былъ

уже въ рукахъ уніатовъ въ 1604 году, и тогда архимандритъ лавры Елесей Плетенецкій убѣждалъ своихъ подданныхъ неотложно давать дани на церковь Божію: »ино детки, писалъ онъ жителямъ Свароміля, Тетерева, Воропоня и Пирогова, если предки ваши и вы самы на церковь Божію на монастырь святого архистратига Михаила Выдубицкаго въ каждый годъ меду преснаго для свечь на одправованье хвалы Божое мели есте штобъ давати, тогда я вамъ зверхности моее росказую и именемъ Божіимъ васъ упоминаю, аби есте Богови, Божое отдавали не покладаючи того на душахъ предковъ своихъ, и на вашихъ самихъ, хочете ли, абы тежъ и самъ Господь Богъ Вседержитель на семъ светѣ грѣхи отпустивши всимъ добримъ, а у пришлому веку душевнымъ спасеніемъ отдати и нагородити рачилъ» [1]).

Судя по обширнымъ и многочисленнымъ владѣніямъ Выдубицкаго монастыря, по количеству обязательныхъ и необязательныхъ даней, слѣдовавшихъ ему, *можно предполагать*, что онъ до послѣднихъ годовъ XVI вѣка существовалъ безбѣдно. Правда, *не видно изъ документовъ*, чтобы теперь прибавились въ монастырѣ какія нибудь капитальныя каменныя строенія. Съ этого времени извѣстенъ уже цѣлый рядъ игуменовъ Выдубицкаго монастыря. Такъ въ самомъ началѣ XVI вѣка былъ тутъ игуменомъ Якимей, около 1541 Ефремъ Кошель, около 1558 Алексѣй (онъ названъ въ одномъ актѣ архимандритомъ),—около 1565 Антоній, около 1570 года Григорій Швабъ, около 1576 Сергій и наконецъ въ 1590 годахъ монахъ Каллистъ. Почти всѣ они усердно служили благу своей обители,—это видно покрайней мѣрѣ изъ ихъ заботливости о матеріальныхъ выгодахъ обители: только благодаря имъ, Выдубицкая обитель

---

[1]) 3 Книга акт. стр. 332.

къ концу XVI вѣка настолько была обезпечена матеріально, что вызывала нѣкотораго рода зависть въ сторонних владѣльцахъ.

Но самою крайнею обидою для православнаго Видубицкаго монастыря со стороны митрополитовъ кіевскихъ было то, что они увлекли его съ собою въ унію.

Въ письмѣ къ митрополиту кіевскому Михаилу Рогозѣ, отъ 2-го августа 1595 г., Сигизмундъ III обѣщалъ ему многіе маетности, на которыя бы и права не было, но только подъ тѣмъ условіемъ «коли со стороны епископовъ православныхъ едность повшехная (всеобщая) утвержоная и вцале захованая будетъ и послушенство столицѣ святой апостольской римской отдано от них и захована будет.»

Понятно, послѣ сего, что съ переходомъ въ унію, (9 Окт. 1596 г.) кіевскому митрополиту Рогозѣ представлялась полная возможность, подъ предлогомъ патронатства, и прежде захваченныя и всѣ остальныя обширныя владѣнія Выдубицкаго монастыря закрѣпить за своею каѳедрою. И дѣйствительно, съ принятіемъ уніи, кіевскій митрополитъ сейчасъ же, въ качествѣ патрона выдубицкаго монастыря, окончательно прибралъ къ своимъ рукамъ, какъ владѣнія монастыря, такъ и самый монастырь, которымъ сталъ управлять чрезъ своихъ намѣстниковъ, бывшихъ по временамъ вмѣстѣ съ тѣмъ игуменами Выдубицкаго монастыря Нѣтъ ничего удивительнаго, что теперь немедленно и введена была унія въ выдубицкомъ монастырѣ. Не знаемъ достовѣрно, какъ она тутъ вводилась,—охотно ли согласились православные монахи выдубицкіе принять унію, или же они разошлись въ другіе православные монастыри и были замѣнены пришлыми ренегатами; во всякомъ случаѣ, намъ думается, что здѣсь дѣло не обошлось безъ насилія и борьбы,—особенно, если припомнимъ недовольство послѣднихъ православныхъ

игуменовъ выдубицкаго монастыря на кіевскихъ митрополитовъ, которые, вмѣсто покровительства этому монастырю, старались только обирать его. Безъ сомнѣнія, подобнымъ нерасположеніемъ къ нимъ руководился и дѣятельнѣйшій изъ послѣднихъ игуменовъ православныхъ выдубицкихъ Каллистъ, который въ свое время особенно старался защищать права Выдубицкаго монастыря на его владѣнія, и оставилъ на память родамъ «Реэстръ пожитковъ выдубицкаго монастыря» въ которомъ подробно описалъ, чѣмъ прежде пользовался Выдубицкій монастырь, и чего онъ лишился по милости кіевскихъ митрополитовъ. Не заботясь о благѣ древняго монастыря, игумены выдубицкіе уніяты старались только о томъ, чтобы, какъ можно больше, извлечь выгодъ изъ его владѣній и потомъ подѣлиться барышами съ уніат. митрополитомъ. Такъ дѣлалось во все время господства уніятовъ надъ Выдубицкимъ монастыремъ.

Впрочемъ и сами митрополиты кіевскіе горько ошиблись въ своихъ расчетахъ на владѣнія Выдубицкаго монастыря и на обѣщанную поддержку со стороны польскаго правительства. Періодъ уніи въ исторіи Выдубицкаго монастыря отличается почти постоянными притязаніями на его земли со стороны сосѣднихъ владѣльцевъ, и эти притязанія и судебные иски большею частью оканчивались не въ пользу монастыря и его владѣльцевъ.

(Продолженіе будетъ).

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Объявленіе.—Богданъ Хмѣльницкій въ русской исторіи. Въ исторической жизни Россіи, въ періодъ юношескаго ея роста, былъ болѣзненный переломъ, который угрожалъ дѣйствительною опасностью не только всѣмъ ея будущимъ судьбамъ, но и самому ея существованію: не успѣвъ еще окрѣпнуть, она была постигнута, сперва удѣльнымъ раздробленіемъ, потомъ Татарскимъ погромомъ, и пришла въ такой упадокъ силъ, что распалась на двѣ части, на Восточную и Западную. Изъ Западной ея половины образовалось особое Литовско-Русское государство, которое, въ слѣдствіе брачнаго союза Литовско-Русскаго государя съ наслѣдницей государства Польскаго, соединилось съ Польшей, въ началѣ какъ равное съ равнымъ, на правахъ взаимной независимости, подъ одной лишь верховной властью, а, наконецъ, послѣ постепеннаго окатоличенія и ополяченія высшихъ словъ Литовско-Русскаго народа, князей и бояръ, вошло въ составъ ея. Такое неестественное соединеніе всей Западной Руси съ Польшей доставило, однакожъ, этой послѣдней перевѣсъ силы надъ Русью Восточной и дало ей возможность расширять свои предѣлы, все далѣе и далѣе, на счетъ Московскаго Государства. Въ этой борьбѣ ополяченное Русское дворянство ставъ, какъ всегда бываетъ съ отступниками, злѣйшимъ врагомъ своей отеческой вѣры и народности и захвативъ въ свои руки всю власть въ Польскомъ государствѣ, возбуждало противъ Русской земли без-

прерывныя войны и довело наконецъ свои полчища до самаго сердца Россіи, до Москвы, гдѣ, на стенахъ Кремля, развило свое шляхетское знамя. Казалось, не оставалось спасенія: съ погибелью Москвы погибала и Россія,—тѣмъ болѣе, что въ эту страшную минуту государство было обезглавлено и шапку Мономаха боярство возлагало уже на главу Польскаго королевича. Но такъ только казалось; въ Русскомъ народѣ бодрствовалъ тотъ православный духъ и та преданность своимъ отечественнымъ началамъ, въ которыхъ таилась неодолимая сила сопротивленія. Когда достигла до народа вѣсть о плѣненіи Москвы врагомъ его вѣры и народности, онъ встрепенулся и достаточно было одного голоса простолюдина Косьмы Минина, чтобъ поднять на этого врага весь Русскій Востокъ: мечь спасенія былъ врученъ одному изъ потомковъ Мономаха, князю Пожарскому, который, принявъ этотъ мечь, сокрушилъ вражью силу и очистилъ отъ нея Московскую землю. Но этимъ подвигомъ спасена была только Московская Русь, а не вся Русская земля. Для ея спасенія требовался еще новый подвигъ, новый болѣе рѣшительный ударъ врагу,

Тридцать шесть лѣтъ спустя, на Юго-Западѣ Россіи, раздался другой голосъ, тоже простаго земскаго человѣка, Малороссійскаго казака Зиновія Хмѣльницкаго, прозваннаго Богданомъ, и тотъ же православный духъ Русскаго народа откликнулся на его призывъ, собралъ всѣхъ до единаго подъ его знамя, вручилъ ему мечь спасенія, съ которымъ народный вождь одолѣлъ врага и возвратилъ весь Юго-Западъ Россіи подъ державу отечественнаго Царя. Съ той поры тяжба Россіи и Польши была рѣшена: на безграничной великой равнинѣ Русской земли должно было осуществиться и осуществилось историческое предопредѣленіе,—между

семи морей этой земли сложилась единая держава и Польша вошла, наконецъ, въ составъ Всероссійской Имперіи.

Послѣ втораго плѣна Москвы, послѣ 1812 года, вспомнился первый плѣнъ ея въ 1612 году, и новый спаситель отечества, Александръ Благословенный, воздвигнулъ памятникъ древнимъ его спасителямъ, Минину и Пожарскому. Недавнія посягательства на свободу Западной Руси и на цѣлость русскаго государства напомнили о древнемъ разрѣшителѣ этихъ польскихъ притязаній,—и нынѣшній блюститель цѣлости и блага Россіи, нашъ благодатный Александръ-Освободитель, положилъ воздвигнуть памятникъ Богдану Хмѣльницкому. Въ Высочайше утвержденномъ проектѣ этого памятника, южно-русскій герой изображенъ на конѣ. Взмахомъ одной руки онъ высоко взноситъ свою булаву, а другую руку простираетъ на Востокъ, къ Москвѣ. Подъ ногами коня лежатъ разныя атрибуты попранной шляхетской Польши. У подножія статуи стоятъ представители русской народности: великоруссъ, малоруссъ, бѣлоруссъ и червонноруссъ, слушая сидящаго кобзаря, который поетъ славу Богдана. Вокругъ пьедестала изображены съ трехъ сторонъ, въ барельефахъ, главные эпизоды этой достопамятной эпохи: Зборовская битва, торжественный въѣздъ Богдана въ Кіевъ и переяславская рада, на которой совершилось возсоединеніе Малой Россіи съ Москвою. На четвертой сторонѣ надпись: Богдану Хмѣльницкому единая, недѣлимая Россія.

На сооруженіе этого всенароднаго памятника, по проекту нашего извѣстнаго художника Микѣшина, открыта, по Высочайшему соизволенію, повсемѣстная въ Имперіи подписка и, съ этою цѣлью, образованъ, при кіевской археографической коммисіи, въ вѣденіи главнаго начальника юго-западнаго края, особый комитетъ. Комитетъ этотъ, для

осуществленія ввѣреннаго ему патріотическаго дѣла, долгомъ считаетъ обратиться не къ однимъ высшимъ классамъ русскаго общества, а ко всему русскому земству и обращается къ нему съ простыми словами: принесите посильную жертву, подайте на памятникъ тому, кто положилъ начало одолѣнію самаго непримиримаго нашего врага; кто возвратилъ русскому народу кіевскую святыню, кто спасъ, можетъ быть, православіе на берегахъ Днѣпра, и положилъ краеугольный камень нынѣшнему государственному зданію всея Россіи. Вашихъ копѣекъ и грошей будетъ достаточно, чтобъ поставить его изображеніе въ Кіевѣ, во славу пращура городовъ русскихъ, во имя русскаго недѣлимаго единства и въ назиданіе прошлому, настоящему и будущему.

Предсѣдатель Тайный Совѣтникъ *М. Юзефовичъ.*

— **Увольненіе на покой и отъѣздъ изъ Красноярска Преосвященнаго Епископа Никодима.** — Первые въ Епархіяхъ Іерархи, въ особенности, бываютъ досточтимы и приснопамятны.

Енисейско-Красноярской паствѣ не суждено перваго своего Архипастыря Преосвященнаго Епископа Никодима удержать среди себя.

Послѣ Высочайшаго, 18 сентября 1861 года, назначенія на вновь открытую 25 мая того же года Епархію, Преосвященный Никодимъ прибылъ изъ Казани въ Красноярскъ 5 генваря 1862 года, и въ первые годы неопустительно, во всѣ воскресные и праздничные дни, совершалъ церковное служеніе; почти ежегодно выѣзжалъ, для обозрѣнія обширной своей Епархіи, былъ въ Туруханскѣ, въ Кежемскомъ краѣ до границы Киренскаго округа, -дважды былъ въ Иркутскѣ, для участія въ хиротоніи Преосвященныхъ Веніамина и Мартиніана, ѣздилъ въ Томскъ для погребенія Пре-

освященнаго Епископа Виталія. Всего водою и сухимъ путемъ сдѣлано имъ по Епархіи,-съ поѣздками въ Иркутскъ и Томскъ, 18,620 верстъ.

Въ 1868, и особенно въ 1869 году, Преосвященный удручаемый лѣтами (онъ родился въ 1803 году), сталъ чувствовать болѣзненные припадки—головокруженіе и слабость въ ногахъ,— и служить рѣже. Въ генварѣ сего 1870 года послалъ прошеніе объ увольненіи на покой въ Московскую Епархію, въ коей онъ родился около г. Рузы, въ селѣ Комлевѣ, и въ маѣ получилъ сіе увольненіе, съ предоставленіемъ ему для жительства или патріаршихъ келлій въ Николаевскомъ Перервинскомъ монастырѣ, или архіерейскихъ въ Серпуховскомъ Высоцкомъ монастырѣ. 7-го мая, въ недѣлю всѣхъ Святыхъ Преосвященный Никодимъ совершилъ послѣднее служеніе въ Красноярскомъ Каѳедральномъ Соборѣ, и удостоилъ своимъ посѣщеніемъ данный ему отъ Градо-Красноярскаго и сосѣдняго духовенства прощальный обѣдъ.— Однимъ изъ присутствующихъ сказано было отъѣзжающему Владыкѣ привѣтствіе въ слѣдующихъ словахъ:

«На столахъ у насъ ястіе и питіе, но на сердцахъ скорбь и грусть.

Эта скорбь и грусть о тебѣ, нашъ возлюбленный архипастырь, о предстоящей скорой разлукѣ съ тобою. Ты положилъ у насъ доброе начало новаго священноначалія церковнаго. Ты благотворилъ намъ много. Ты защищалъ насъ горячо. Ты миловалъ насъ отечески. Ты назидалъ насъ духовно. Ты руководилъ нами мудро въ дѣлахъ епархіальнаго управленія. Скажемъ болѣе, ты святительски ревновалъ о спасеніи нашемъ. Можемъ ли мы по этому не скорбѣть и не жалѣть о Тебѣ? Но при скорби сей и грусти, можемъ ли мы и не благодарить тебя за твое, толико благотворное, свыше восьмилѣтне, у насъ служеніе? И мы благодаримъ те-

бя, благодаримъ сею усердною русскою хлѣбомъ—солью, благодаримъ почтительнымъ поклоненіемъ лицу твоему, благодаримъ искренними желаніями тебѣ добраго пути, здравія и спасенія, благодаримъ обѣщаніемъ присной молитвы о тебѣ, и просимъ тебя, отецъ нашъ, не забудь и ты насъ,—тамъ,—вдали,—въ тиши уединенія, къ которому стремится душа твоя.

Прибавлю еще то, что вполнѣ мы поймемъ, вполнѣ мы оцѣнимъ, вполнѣ мы узнаемъ благотворность твоего у насъ служенія—впослѣдствіи.

Теперь же отцы и братіе, воспоемъ первому іерарху енисейско-красноярскія паствы, незабвеному милостивому архипастырю, Преосвященнѣйшему Никодиму—многая лѣта».

Владыка отвѣчалъ на сіе, изъявленіемъ благодарности духовенству, за оказываемое ему всегдашнее послушаніе, мѣстнымъ властямъ и горожанамъ за сохраненіе добрыхъ съ нимъ отношеній, въ любви и мирѣ.

11 іюня, сопровождаемый искреннимъ моленіемъ и сердечнымъ сожалѣніемъ, преосвященный Никодимъ отправился въ свой дальній путь, и 13 іюня переѣхалъ Чулымъ—границу енисейской епархіи съ томскою, а 15-го числа благополучно достигъ г. Томска.

Господь сохранитъ тя, владыко святый, *отъ всякаго зла, сохранитъ душу твою Господь, Господь сохранитъ вхожденіе твое и исхожденіе твое отъ нынѣ и до вѣка!*

— **Новый случай изувѣрства въ жизни раскольниковъ**.— Въ Пермскихъ Епарх. вѣдомостяхъ отъ 17-го минувшаго Іюня сообщаютъ: «На дняхъ, въ нашемъ Шадринскомъ уѣздѣ, совершилось страшное и никогда здѣсь небывалое преступленіе, главною и исключительною причиною котораго

былъ, одинъ только дикій фанатизмъ раскольническій. Деревни Кл—ной, Ольховской волости и прихода, крестьянка А. С. М—ва, наслушавшись разныхъ бредней раскольническихъ, и желая поскорѣе оказать особенную ревность свою по старой вѣрѣ,—рѣшилась принести въ жертву единственную и любимѣйшую, едва только достигшую годоваго возраста, дочь свою, по имени Александру, въ полной увѣренности, что жертва эта не только будетъ пріятна и угодна »Спасу и Богородицѣ,« но еще спасительна, какъ для дочери ея, такъ въ особенности для нея заблудшей, потому что доставитъ ей, »великой грѣшницѣ,« самый вѣрный и удобный случай добровольно принять и перенести, на сей землѣ всевозможныя муки и страданія (подъ которыми, вѣроятно, хотѣла разумѣть она преслѣдованія за убійство со стороны закона), и такимъ образомъ—приготовитъ ей, вмѣстѣ съ дочерью, вѣнецъ мученическій на небѣ. Такое злое намѣреніе появилось у А—ны еще на пасхальной недѣлѣ, но до сихъ поръ, по разнымъ независящимъ отъ нея обстоятельствамъ, она, при всемъ желаніи своемъ, ни какъ не могла привести его въ исполненіе. Наконецъ насталъ праздникъ,—день памяти перенесенія мощей святителя и чудотворца Николая,—праздникъ особенно уважаемый русскимъ народомъ. Въ этотъ день дочь А—ны почему-то проснулась раньше обыкновеннаго и плачемъ своимъ разбудила спавшую подлѣ нея мать свою.—А—на встала, взяла дочь на руки, сколько могла, утѣшила и пошла, вмѣстѣ съ ней, умываться. Умывшись, она разбудила старшую сноху свою, заставила ее управляться по хозяйству, а сама пошла въ клѣть, ради праздника зажгла тамъ свѣчи передъ иконами и, держа на лѣвой рукѣ дочь свою, стала въ такомъ положеніи молиться Господу Богу. Во время молитвы ей снова приходитъ давно мучившій ее помыслъ о принесеніи въ

жертву своего ребенка. Предполагая, что помыслъ этотъ отъ Бога, А—на весьма обрадовалась тому, что уготовала наконецъ жертву Господу Богу и рѣшилась немедленно привести злое свое намѣреніе въ исполненіе. Для этой цѣли она тотчасъ же оставила свою молитву, взошла вмѣстѣ съ ребенкомъ въ избу и, улучивъ минуту, когда сноха ея вышла на дворъ и занялась хозяйствомъ, она, никѣмъ не замѣчаемая, подошла къ топившейся въ то время избной печи, отодвинула стоявшую тамъ съ водой чугунку и, со всего размаху, бросила туда, безъ всякой жалости, своего ребенка. Ребенокъ, при паденіи, встрепенулся и, по показанію А—ны, упалъ сначала не далеко; но А—на этимъ не образумилась, взяла клюку и «свое сердешное дитятко» подвинула въ самое пламя. Увѣрившись, что ребенокъ ея уже окончательно лишился жизни, А—на прославила Бога, вышла изъ избы и преспокойно занялась обычными ей дѣлами по хозяйству. Вскорѣ приходитъ въ избу сноха А—ны и ничего не подозрѣвая беретъ клюку и хочетъ, по обыкновенію, помѣшать обгорѣлыя дрова въ печкѣ; но — о ужасъ! — въ печкѣ, въ страшномъ пламени, почернѣвшій и обезображенный трупъ ребенка!... Опрометью кинулась она изъ избы, разбудила мужа, свекра и другихъ семейныхъ и объявила имъ, что въ избной печи у нихъ что-то неладно. Не зная, съ просонья, что дѣлать, разбуженные, наперерывъ бросились на улицу и бѣдной, крайне-взволнованной снохѣ М—хъ, стоило большихъ трудовъ, чтобы остановить ихъ, собрать всѣхъ въ избу и показать тамъ въ печкѣ трупъ ребенка. Дрожащими отъ страха руками, отецъ ребенка вытаскиваетъ этотъ трупъ изъ печки, беретъ его на руки и вмѣстѣ съ нимъ падаетъ на лавку... Картина ужасная!... Поднимаются плачь, рыданіе и вопль многъ... Между тѣмъ, окончивъ свои занятія, входитъ въ избу и А—на.

При видѣ такой картины, она, по видимому, тоже перепугалась, спустила бывшій въ рукѣ ея подойникъ, присѣла у самыхъ дверей на лавку и задумалась; но вскорѣ встала, подошла къ семейнымъ и, отталкивая постепенно каждаго изъ нихъ отъ ребенка, стала уговаривать ихъ такими словами: «полноте-ка вы, полноте! молитесь-ко вы лучше Богу, Пресвятой-то Богородицѣ, да матушкѣ-то аллилуіѣ! аллилуя, аллилуя, слава Тебѣ Боже! аллилуя, аллилуя, слава Тебѣ Боже»! Долго бы, вѣроятно, А—на промолилась своей аллилуіѣ и проутѣшала такъ своихъ домашнихъ, но кто-то изъ нихъ подогадливѣе съѣздилъ за старшиной, А—ну взяли и подъ строгимъ карауломъ отправили въ волостное правленіе. Теперь А—на въ рукахъ правосудія.

Предполагаемъ, что А. М—ва наслушалась разныхъ бредней раскольническихъ, въ томъ числѣ о какой-то мнимой рабицѣ Божіей «матушкѣ аллилуіѣ», которая яко бы, спасая отъ жидовъ истиннаго Христа, подобно А—нѣ нашей, бросила тоже въ раскаленную печь груднаго своего ребенка и взяла къ себѣ на руки самого истиннаго Христа и—которой во всемъ, какъ видно, хочетъ подражать и наша А—на, потому что всегда, когда только произноситъ это слово, а произноситъ его она весьма часто,—прибавляетъ къ нему личное мѣстоимѣніе я: «аллилуя, аллилуя—я, слава Тебѣ Боже! аллилуя, аллилуя — я, слава Тебѣ Боже»! (Калуж. Епарх. Вѣд.)

— **Грозное вразумленіе.**—Одинъ изъ священниковъ нашего остзейскаго края, въ началѣ текущаго года, передалъ намъ весьма поучительный разсказъ, который мы теперь и рѣшаемся сообщить читателямъ.

Былъ день ангела жены священника N. На имянинный пирогъ приглашено было много гостей. Въ числѣ ихъ при-

шла одна дама, жена значительнаго чиновника въ Р., получившая модное воспитаніе въ одномъ изъ лучшихъ столичныхъ заведеній. Мужъ ея—полякъ, а она сама—русская и, стало быть, православная, но заражена до мозговъ болѣзнію нигилизма, котораго она не только не стыдилась, но еще любила похвалиться имъ въ обществѣ. Поздравляя хозяйку дома — съ ангеломъ, она сочла долгомъ тутъ же заявить, что собственно не вѣритъ въ бытіе ни ангеловъ, ни дьяволовъ, а просто говоритъ обычную фразу. Съ ней былъ четырехлѣтній, миленькій и изящно одѣтый сынокъ, котораго она постоянно ласкала. Сѣвши за столъ, она продолжала хвалиться своимъ невѣріемъ и кощунствовать. Обнявши своего малютку, она имѣла дерзость сказать: «объ какомъ это говорятъ намъ Богѣ? Вотъ мой богъ» (малютка). Но Богъ истинный явилъ здѣсь Свое присутствіе и прервалъ потокъ ея безумныхъ рѣчей. Кусочекъ пирога, который она отрѣзала отъ своего, —и подала своему сынку— нареченному богу, остановился у него въ горлѣ. Напрасно принимаетъ она всѣ обычныя въ такихъ случаяхъ мѣры, чтобы кусочекъ или прошелъ чрезъ горло, или вышелъ вонъ, — мальчикъ задыхается, лицо его багровѣетъ, черты его обезображиваются конвульсіями. Съ ужасомъ и отчаяніемъ мать хватаетъ своего ненаглядного на руки и бѣжитъ съ нимъ къ доктору. Но еще на дорогѣ ребенокъ умеръ на рукахъ матери...

Что теперь думаетъ, какихъ убѣжденій держится несчастная нигилистка, намъ пока неизвѣстно.

(Душепол. Чтеніе. Августъ. 1870 г.).

— **Поучительное событіе**. — Одинъ крестьянинъ нашего прихода такъ разсказывалъ мнѣ: «Совершилъ я разъ, батюшка, великое преступленіе, о которомъ не знали земныя

власти, но наказалъ меня и вразумилъ Царь небесный. Это было уже давно. Жилъ я съ женою бѣдно, не было у насъ ни хлѣба, ни скотинки. Бѣднѣе насъ не было во всей деревнѣ Тяжело приходилось намъ въ нуждѣ, а работать мы были лѣнивы. Какъ поправить дѣло? Думали мы съ женой, судили, рядили, и вотъ что придумали: взяли билетъ будто бы на заработки въ сосѣднiй съ нашимъ т—скiй округъ, ушли и стали тамъ по деревнямъ собирать *на погорѣлое*, разсказывая незнавшимъ насъ крестьянамъ, что будто бы у насъ случился пожаръ, сгорѣлъ домъ, сгорѣлъ хлѣбъ, сгорѣла скотина. На самомъ-то дѣлѣ этого у насъ ничего не было, и бѣдная избушка наша стояла себѣ, готовая развалиться и безъ пожара. Добрые люди, вѣря нашему мнимому горю, помогали намъ по силѣ возможности, и такимъ образомъ мы собрали немало, такъ что, возвратившись домой, поправили свою избушку, завели скотину и зажили не богато, но безъ нужды. Такъ прошло шесть лѣтъ. Мы и думать позабыли о томъ, что нажили свое добро обманомъ. Но Господь Богъ не забылъ насъ: въ одну ночь загорѣлась наша изба, сгорѣло все, что въ ней было, сгорѣлъ хлѣбъ, сгорѣла скотина,—и мы сдѣлались еще бѣднѣе, чѣмъ были прежде. Вотъ, батюшка, что значитъ прогнѣвлять Бога и наживаться обманомъ!. Прости меня, Господи, и не помяни моего согрѣшенiя!... Весь вѣкъ свой каюсь въ этомъ тяжкомъ грѣхѣ и благодарю Всевышняго, вразумившаго меня окаяннаго!..»

Пусть примутъ къ свѣдѣнiю этотъ разсказъ тѣ, которые разными неправыми путями и средствами скопляютъ себѣ сокровища. Обманъ, какого бы рода онъ ни былъ, никогда не останется безнаказаннымъ: *Богъ* правды *поругаемъ не бываетъ* (Гал. 6, 7).

Священникъ Михаилъ Путинцевъ.

(Стран. 1870 г.)

Печ. дозв. Кiевъ. 30 августа 1870 г. Цензоръ *П. Щеглевъ.*

Въ типографiи И. и А. Давиденко.